

С. А. Токарев

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ КАЛЕНДАРНОГО ЦИКЛА В СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

(ОПЫТ СТРУКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

1

В быту и культуре любого народа есть много явлений, сложных по своему историческому происхождению, составу входящих в них элементов и разнообразию выполняемых функций. Один из самых ярких и показательных примеров такого рода явлений — так называемые календарные обычаи, хорошо известные каждому этнографу.

О календарных обычаях, обрядах и связанных с ними поверьях народов Европы имеется солидная литература¹. В последнее время особенно оживился интерес к этому предмету среди этнографов, фольклористов, социологов, религиоведов. И немудрено: здесь проявилось все растущее внимание, растущий общественный интерес вообще к национальным (этническим, народным) традициям. Ведь эти традиции — своего рода кирпичи, из которых мы строим здание будущей коммунистической культуры; и каждый кирпич из вековой груды мы должны внимательно оглядеть, выбрать годное, откинуть негодное.

Календарные обычаи европейских народов поражают прежде всего своим крайним разнообразием. Что только не входит в обычаи «календарного» цикла! Праздники и подготовка к ним, суеверные запреты и магические обряды, гадания и предсказания, посты и торжественные трапезы, игры и развлечения, процессии и маскарады, подарки и обрядовый фольклор, клоунады и богослужения, ритуальные огни и ритуальное купание, культ святых и поверья о нечистой силе... Много веселого, здорового, но много и варварского, вредного.

2

Чтобы разобраться в этом пестром клубке обычаев, обрядов и поверий, нужно прежде всего установить здесь какой-то порядок, систему: нужно классифицировать календарные обычаи. А классифицировать их можно по-разному. Самая элементарная, отчасти даже формальная классификация — по сезонам: обычаи зимнего, весеннего, летнего, осеннего циклов. Но эта классификация при всей своей кажущейся простоте не так легко удается: во-первых, границы между сезонами очень

¹ См., например: И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I—IV, М., 1837—1838; А. Ермолов, Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах и приметах, т. I—IV, СПб., 1901—1905; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Л., 1963; В. И. Чичеров, Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков, М., 1957; В. Ф. Миллер, Русская масленица и западноевропейский карнавал, М., 1884; E. Hoffmann-Krauer, Feste und Bräuche des Schweizervolkes, Zürich, 1913; E. Fehrle, Deutsche Feste und Volksbräuche, Leipzig — Berlin, 1916; E. Schneeweis, Feste und Volksbräuche der Sorben, Berlin, 1953; A. van Gennep, Manuel de folklore français contemporain, vol. I—IV, Paris, 1957—1958, и мн. др.

нерезки — не всегда легко определить, где кончаются зимние и начинаются весенние обряды, где весенние сменяются летними; во-вторых, зачастую одни и те же ритуалы падают то на один, то на другой сезон; в-третьих, спорным является даже вопрос: сколько же всего сезонных циклов в году — четыре, три или всего два? В пользу последнего мнения иногда приводится то соображение, что в сущности все календарные обычаи и поверья тесно связаны с сельским хозяйством и все они имеют один общий смысл и одну цель — обеспечить хороший урожай; а потому обычаи эти естественно распадаются на две категории, а значит, и на два срока: одни как бы подготавливают получение урожая, другие сопровождают его получение².

Классификация календарных обычаев по сезонам вполне законна и полезна. Но надо хорошенько понять, что в основе этого деления лежит не сама по себе смена времен года, а обусловленная ею цикличность сельскохозяйственных работ. Поэтому если все же придерживаться деления календарных обрядов на четыре цикла, то мы увидим, что эти циклы сопровождают подготовку весенних полевых работ (зимний цикл), проведение этих работ (весенний цикл), охрану посевов (летний цикл) и сбор урожая (осенний цикл).

Но важнее и познавательно плодотворнее для нас другой способ классификации календарных обрядов и верований: исторический и в то же время структурно-функциональный. Надо попытаться вскрыть последовательно исторические напластования в сложном комплексе народных календарных традиций, постараться найти в них первичное ядро, определить его материальные корни и его первоначальные функции, а затем попробовать разобраться и в последующих исторических напластованиях, изменявших и усложнявших это основное ядро. Конечно, такой «структурно-исторический» анализ не может претендовать на абсолютную точность и достоверность, в нем неизбежно присутствие гипотезы и субъективной точки зрения; но как первый шаг к пониманию всей сложности интересующих нас явлений такая попытка оправдана. Именно идя этим путем, мы можем надеяться определить — и исторически, и функционально — настоящее место религиозных верований и церковных обрядов, место магии и всяких суеверий в обычаях календарного цикла. А это очень важно, если вспомнить, что многие из нас привыкли видеть в них только религиозный дурман и вредный пережиток прошлого. Есть, правда, и противоположный взгляд: сознательная или бессознательная идеализация традиционных праздников и обычаев; при этом закрываются глаза на все то темное, грубое, жестокое, что они очень часто в себе заключают.

3

Попытаемся же прежде всего найти первичное, древнейшее ядро в календарных обычаях народов Европы. Если взглянуть на них как бы с большой высоты, с общесоциологической точки зрения, мы увидим, что в этих обычаях выражена своеобразная адаптация человеческой деятельности к объективному, так сказать, космическому ритму природы. Чередование рабочих и праздничных дней, сопутствующие тем и другим верования и ритуалы — это лишь отражение трудового ритма, и прежде всего последовательности сельскохозяйственных работ, в свою очередь зависящей от годовой смены сезонов. В основе годового цикла календарных обрядов и верований лежит крестьянский труд, лежит материальное производство. Древнейшие исторические слои календарных обычаев и поверий уходят в практику древнего земледельца, беспомощного перед слепыми силами природы: ведь от его умения предугадать погоду и сроки полевых работ зависело все благосостояние, сама жизнь его и его рода, семьи.

² См.: В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 14—19.

Больше того, можно считать бесспорным, что приметы погоды наблюдались человеком еще в доземледельческую эпоху, в условиях охотничьего быта. У современных охотничьих и рыболовческих племен, особенно в Арктике, и сейчас широко известны способы узнавания предстоящей перемены погоды и ее влияния на ход промысла: снегопад, ветер, пурга, потепление и пр. Но в рамках поставленной нами себе задачи — разобраться в европейских календарных обычаях и обрядах — мы можем ограничиться пока рассмотрением традиций только земледельческой культуры³.

Есть все основания полагать, что в этих-то древнейших народных стихийных приметах погоды и заключалась первичная основа обычаев календарного цикла. Все остальное — позднейшие примеси. Эти народные приметы сохранились доньше во всех странах Европы и бытуют и в форме пословиц и поговорок, и в прямых указаниях, касающихся сроков полевых работ, выгона и пригона скота. Они есть на все времена года и, конечно, распределяются по сезонам.

Вот, например, несколько французских крестьянских изречений:

Si tu veux avoir du grain, sème ton blé à la St. Martin.

Passé la St. Clément ne sème plus froment.

A la Ste. Catherine fais ta farine.

En mars s'il tonne, apprête cuves et tonnes.

Brouillard en mars ne fait mal aucun, celui d'avril emporte pain et vin⁴.

Если хочешь получить урожай, сей хлеб на св. Мартина (11 ноября).

После дня св. Клемента (23 ноября) пшеницу уже не сей.

На св. Катерину (25 ноября) мели зерно.

Если в марте гром, готовь погреба и бочки.

Туман в марте — беды не будет, туман в апреле — хлеба и вина убудет.

Уже в одних этих примерах мы видим отчетливое отражение конкретной историко-географической обстановки: перед нами картина примитивного земледельческо-крестьянского хозяйства в полосе умеренного климата, с ее резкой, но весьма нерегулярной сменой сезонов, холодной и жаркой, дождливой и сухой погоды, от которой зависит и урожай, и все благосостояние крестьянина.

Среди этих разнообразных примет и предсказаний погоды и видов на урожай есть и реалистические, основанные на вековом опыте крестьянина — земледельца, охотника, рыбака, но есть и явно мнимые, даже нелепые. Однако народ обычно не различает тех от других, да и исследователю это не всегда легко.

4

От простых наблюдений примет и предсказаний один шаг до гаданий о погоде и об урожае. Такие гадания очень разнообразны, хотя, как правило, сходны у многих народов. В отличие от примет, которые распределяются равномерно по всему году, гадания приурочены преимущественно к началу года, а начало хозяйственного года совпадает у большинства народов с началом гражданского года: оно падает на время около зимнего солнцестояния, на время зимних «святок». Такое приурочение гаданий к началу года вполне понятно и практически, и психологически: это время начала подготовки к весенним посевным работам, заботы о семенах, инвентаре. Тут-то и важно узнать: а какая будет весна, а когда начинать пахать, сеять?

³ См. В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 10—19, 24 и др.

⁴ G. Bidault de Lisle, Vieux dictons de nos campagnes, Paris, 1952, t. 1, p. 230, 231; t. 2, p. 134, 162, 163. См. также: А. Ермаков, Указ. раб., т. 1 — «Всенародный месяцеслов»; т. 2 — «Всенародная агрономия»; т. 4 — «Народное погодоведение».

В этом, быть может, главное объяснение того на первый взгляд странного факта, что именно на этот святочно-новогодний сезон, когда вся жизнь природы замирает, а сельскохозяйственные работы почти приостанавливаются, падает и большинство гаданий и предсказаний погоды и жатвы, и большинство различных обычаев, обрядов, поверий, о чем будет сказано дальше.

Впрочем, в святочно-новогодних гаданиях больше суеверной фантастики, чем реальных наблюдений. Например, широко распространен в странах Европы, особенно у западославянских народов, способ угадывания погоды на предстоящий год по первым дням начала года: какая погода стояла 1 января, такая будет весь январь; погода 2 января указывает на погоду в феврале; погода 3 января — на погоду в марте и т. д. Другой сходный прием — гадание по луковиче, которую резали на 12 долек; каждую дольку обозначали именем какого-то месяца, затем их посыпали солью и оставляли на ночь; утром смотрели, какие дольки более влажные, и заключали из этого, какие месяцы будут дождливыми.

Нет ничего удивительного в том, что система гаданий, в подавляющем большинстве случаев «новогодних», охватила не только круг чисто земледельческих вопросов (Какая будет весна? Какое будет лето? Каков будет урожай?), но и более широкий круг жизненно важных вещей. У всех европейских народов известны гадания о предстоящих в новом году семейных событиях, и в первую очередь о женитьбе и особенно о замужестве. Гадание девушек о женихах, о «суженом» — наиболее постоянный стереотип, обязательный компонент в святочных и иных гаданиях. Такое приурочение «семейных» гаданий преимущественно к новогоднему циклу обычаев детерминировано чисто психологически («А что принесет начавшийся год нашей семье и мне лично?»); оно никак не определяется природными явлениями, ибо люди и женятся, и выходят замуж, и умирают, и рождаются в любое время года и при любой погоде.

Но преобладание девичьих гаданий о замужестве детерминировано зато строго исторически. Это неизбежное отражение мощной патриархальной традиции европейских народов с ее резким неполноправием женщин, где девушке суждена чисто пассивная роль: покорно и терпеливо ждать, когда ее «возьмут» замуж.

5

Вернемся, однако, к древнейшим слоям календарной обрядности. От примет и гаданий о погоде и урожае почти незаметный переход ведет к попыткам воздействовать на то и другое, т. е. к примитивным магическим действиям. Нет никакого сомнения в том, что переход этот совершился еще в самые первобытные времена. Ведь не только у всех земледельческих народов, но и у народов, стоящих на более ранней стадии развития, охотников-собирателей, у всех без исключения известны магические обряды воздействия на природу и на объект хозяйственной деятельности: промысловая и аграрная магия, колдовские обряды вызывания дождя и т. п. Археологический материал подтверждает глубокую древность подобных обрядов: известные изображения охоты и ритуальных плясок на стенах верхнепалеолитических пещер, некоторые памятники скульптуры той же эпохи трудно объяснить иначе, как предположив их связь с промысловой магией.

Обряды магического обеспечения урожая, охраны его от засухи, града и пр., обряды плодородия скота, защиты его от бескормицы, болезней, волков — все это входит органически в цикл календарных обычаев. Но в отличие от примет и гаданий, большая часть которых приурочена к зимнему, святочно-новогоднему сезону, обряды продуцирующей магии более равномерно распределены по сезонам. На начало года здесь падают только обычаи «магии первого дня»: каков первый день года, таков

будет и весь год. Отсюда обильные святочно-новогодние трапезы (значит, целый год будем сыты), взаимные подарки, нарочитое веселье (чтобы весь год был веселым, счастливым), вера в счастливую и несчастливую «первую встречу» на Новый год на улице или в счастливую-несчастливую первого посетителя («полазник» у славянских народов) и пр.⁵

Очень интересен один обычай румын — праздник «плугушорул». Под Новый год группа парней обходила дома селения с колядными песнями и благопожеланиями, и один из них проводил плугом по снегу борозду, а другие хлопали бичами и кричали, как бы погоняя волов; утром 1 января группа детей обходила те же дома с мешочками семян пшеницы и других злаков, обсыпая зерном теленка или ягненка. Аграрно-магический смысл этого обряда очень ясен.

Но в некоторых случаях в основе подобных аграрно-магических действий лежат вполне рациональные приемы. Так, во многих европейских странах, где распространено садоводство, в рождественские дни устраивался обряд над плодовыми деревьями: их окружали соломой, под ними сыпали золу и, замахиваясь топором, грозили дереву срубить его, если оно не будет плодоносить. Обряд-то магический, и соломе и золе приписывались колдовские свойства плодородия, но ведь в основе своей и посыпание земли золой, и утепление дерева соломой вполне разумные действия; им лишь позже придан, с прибавкой заклинания, магический смысл.

6

Большая часть обычаев аграрной и всякой иной продуцирующей магии приурочена к весеннему периоду сельскохозяйственного года: пахота, первый выгон скота на пастбище.

Например, у многих народов отмечен такой обычай: во время хоро- водных танцев Карнавала (масленицы) надо как можно выше подпрыгивать — от этого по закону имитативной магии будет выше конопля.

Широко распространено также зажигание ритуальных огней: костры, факелы, сожжение соломенных чучел и пр.; обычай этот приурочивается то к дням Карнавала, то к великому посту, к Пасхе, к Троицыну дню. Огню придается магическое значение стимулирования урожая хлеба, фруктов, винограда. У немцев было поверье, что в том селе, где зажжено больше костров под Пасху и где они выше, лучше будет урожай.

Иногда здесь тоже просвечивает рациональная основа. Так, во Франции в первый день поста дети бегали с факелами, зажженными от обрядового костра, и ударяли ими по фруктовым деревьям, приговаривая: «Больше плодов, чем листьев» (*Plus de fruits que de feuilles*). А произошел этот обряд, возможно, от простого окуливания деревьев против вредителей.

Многие обряды содержат в себе идею о магической плодоносящей силе воды; эта идея опять-таки имеет вполне реальные корни, ибо вода, во-первых, смывает грязь, а во-вторых, необходима для всех растений. Но в обрядовой практике европейских народов живородящая и очищающая сила приписывалась не всякой воде, а особо освященной, чистой: или «крещенской» (освященной во время праздника Крещения), или пасхальной, первомайской и пр.

Магическая сила плодородия приписывалась пасхальным яйцам — ведь яйцо есть символ рождающей жизни. Особенно нагляден обычай, соблюдавшийся в некоторых местностях Германии: пахарь при первом выезде в поле съедал яйцо, а другое яйцо клали под колесо плуга.

Отчетливо выражена во многих весенних обрядах идея связи плодородия земли и человеческой плодovitости. У португальцев был в про-

⁵ См.: П. Богатырев, «Полазник» у южных славян, мадяров, словаков, поляков и украинцев. Опыт сравнительного изучения славянских обрядов, «Lud Słowiański», t. III, 1931.

шлом известен обычай: в мае девушки с парнями шли на льняное поле и катались по земле парами. В немецкой земле Баден был обычай, по которому перед началом пахоты девушка должна была поцеловать пахаря. Там же в старину девушки по обычаю плясали ночью нагие вокруг льна, катались по нему.

Первый весенний выгон скота на пастбища тоже был обставлен у всех народов обычаями магического свойства. Этот выгон приурочивался к определенным дням, чаще всего к дню св. Юрия (Георгия) — покровителя скота, 23 апреля. Был обычай обливать при этом скот или пастуха водой, хлестать прутьями, кормить обрядовой пищей. Выполняли обряды для защиты скотины от волков.

7

Все эти примеры — образцы так называемой магии плодородия, самой важной части аграрной магии. Другая, тоже хорошо известная ее часть — это «магия погоды» (метеорологическая): колдовская защита урожая от засухи, молнии, градобития. Если магия плодородия приурочена главным образом к весенним полевым работам, то магическая борьба с засухой и другими стихийными бедствиями падает преимущественно на лето, хотя и не привязана ни к каким особым дням, а зависит от самой погоды. В этом условная, хотя и не очень резкая, грань между весенним и летним циклом обрядов.

Характерная черта обрядов магии погоды — их резко выраженный архаизм и преобладание чисто имитативного типа магического действия, хотя и осложненного в наше время привнесенными элементами христианского культа. «Молебен о дожде» в христианских странах Европы даже внешне похож на «вызывание дождя» каким-нибудь австралийским или африканским колдуном.

8

Очень трудно ответить на вопрос, когда, в какую эпоху, начали складываться на основе древних обрядов продуцирующей магии образы духов и богов — покровителей плодородия. Подобные образы хорошо известны нам по памятникам культа и мифологии древнего Востока и античного мира. Это многочисленные «демоны плодородия» и великие божества — олицетворения умирающей и воскресающей растительности: Осирис, Таммуз, Адонис, Атис, Триптолем, Дионис и др., а также параллельные им женские божества: Исида, Иштар, Астарта, Кибела, Афродита, Деметра, Персефона и пр. Культ этих божеств был привязан к определенным календарным датам, и они тем самым включались в цикл сезонных земледельческих обрядов как их осмысление. Все это очень хорошо изучено и обобщено Дж. Фрэзером и другими исследователями⁶. Наши сведения об этих божествах и о культе их относятся к эпохе, когда уже существовали развитые классовые государства; но вполне вероятно, что происхождение их восходит к эпохе, гораздо более ранней, еще доклассовой, и что культ их первоначально отправлялся в рамках архаических крестьянских общин.

Были ли аналогичные образы божеств плодородия в странах Северной, Центральной, Западной Европы? Существовал ли культ их у германских, кельтских, славянских народов? Вероятно, да. Но от этих древних образов остались полустертые и маловразумительные обломки.

Главной причиной деформации или даже полного исчезновения образов древних божеств плодородия у изучаемых нами народов послужило распространение христианства в странах Европы, о чем речь будет даль-

⁶ См. Дж. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. III — «Умирающие и воскресающие боги растительности», М. — Л., 1928.

ше. Местные божества либо слились с христианскими святыми, либо были вытеснены ими. Все же из-под церковно-христианских наслоений местами и сейчас выглядывают расплывчатые фигуры древних богов и богинь, быть может имевших некогда прямую связь с обрядами плодородия, хотя бы и под чужими именами. Таковы у немцев, видимо, «кнехт Рупрехт» (древний Водан?), Перхта, фрау Харке, фрау Холле и др. Почитаемые многими европейскими народами святые (св. Варвара, св. Николай, св. Люция, св. Томас и др.), быть может, тоже заместили собой какие-то древние местные божества.

Очевидно, существовал когда-то и культ этих божеств. От него остались лишь слабые следы: некоторые святочные, весенние и другие народные обряды напоминают реликты древних жертвоприношений.

Лучше сохранились образы «низшей мифологии», как их часто называют: олицетворенные образы растительности, «демоны плодородия», как их назвал Вундт, особенно в германоязычных странах. Здесь почему-то до недавнего времени держались тверже, чем в других странах, зоо- и антропоморфные олицетворения хлебного поля, зреющей нивы: «ржаной волк», «ржаная собака», «хлебный человек», «хлебная матушка», «хлебная девушка» и пр., обитающие в несжатом хлебном поле и остающиеся потом в последнем несжатом снопе. Эти поверья и связанные с ними обряды еще в XIX в. очень хорошо изучил Вильгельм Маннхардт⁷.

9

Почти бесспорным можно считать то, что к этой же древнейшей эпохе относится и появление в сложном комплексе календарных обычаев того компонента, которому впоследствии, а особенно в наше время, суждено было стать самым существенным, пожалуй основным их компонентом: это разные развлечения, игры, танцы, особенно молодежи. Первоначально, что очень вероятно, и не было резкой грани между какими-нибудь обрядовыми, магическими плясками и простыми развлекательными танцами и играми: обе эти функции совмещались, либо одна незаметно переходила в другую. Однако сравнительно-этнографические данные показывают, что различие этих двух функций могло появиться достаточно рано. Так, уже австралийские туземцы очень отчетливо разграничивают священные тотемические пляски от «простых корробори», устраиваемых для одного развлечения.

Игры молодежи, приуроченные к дням календарных праздников, широко известны и многократно описывались у всех народов Европы. Они бесконечно разнообразны: тут и шуточно-торжественные процессии, и употребление масок и разных чудных нарядов, и обход домов с благопожеланиями, и простые танцы, частью с эротическим оттенком, и различные игры, и инсценировки, и выборы шуточных обрядовых «королей» и «королев»... Всего не перечислишь. В эти молодежные забавы в разной степени влит древний магический смысл, в большинстве случаев, однако, уже давно превратившийся в шуточное осмысление традиционных действий: при танцах выше прыгать, чтобы лен или конопля выросли высокими; под Новый год выбрасывать из домов с шумом и грохотом всякий старый хлам, чтобы в наступающем году не знать никаких неприятностей, болезней, нужды; на Масленицу выносить из деревни и торжественно сжигать соломенное чучело, символизирующее зиму, смерть, вообще что-то неприятное. Когда-то в эту символику и в магическое действие подобных ритуалов серьезно верили, но уже давно у всех европейских народов они превратились в традиционные игровые действия, в простые забавы.

⁷ W. Mannhardt, Roggenwolf und Roggenhund Danzig, 1865; его же. Die Korndämonen, Berlin, 1868; его же. Wald- und Feldkulte, 1—2, Berlin, 1876—1877.

Почему, однако, эти забавы, игры и развлечения привязаны бывают чаще всего к тем же датам народного сельскохозяйственного календаря, к тем же датам церковных праздников? Да отчасти, видимо, просто потому, что они и корнями своими связаны с древними магическими ритуалами, что вначале, как уже указывалось, и пляски, и маскарады, и всякие шествия имели весьма серьезный (в значительной части колдовской и культовый) смысл. Но, может быть, это объяснение недостаточно: были, видимо, и другие причины, практические и психологические, повлиявшие на сосредоточение большей части молодежных традиционных праздников в определенные сезоны. Об этих причинах можно строить только предположения. Святочно-новогодние дни (середина зимы) — удобное время для праздников, вероятно, потому, что это время самое свободное от сельскохозяйственных работ, а с другой стороны — время относительного материального достатка, когда даже у маломощных крестьян еще не кончились зимние запасы провизии. Время Карнавала — приближение весны, когда есть уже признаки оживания природы, но еще не начались напряженные полевые работы. Весенне-летние дни (праздники Вознесения, Троицы, Иванов день) — окончание весенних полевых работ, стремление отдохнуть от них и порадоваться полному расцвету плодородных сил природы. Осенняя уборка урожая — новые запасы хлеба, вина, овощей, фруктов и опять-таки законное желание отдохнуть от напряженного земледельческого труда.

Все это простое предположение. Но думается, что сезонное распределение традиционных праздников объяснимо отчасти и без напоминания об их связи с древними магическими обрядами и с культом солнечных или иных богов.

10

Если все упоминавшиеся выше составные элементы календарных обычаев корнями своими уходят в неизмеримую древность, то другие их элементы уже доступны изучению с первых шагов их появления в рамках более или менее точной хронологии.

Христианство распространилось почти во всех странах Европы в течение IV—X вв. Это был крутой поворот в жизни народов, поворот, в основе которого был переход к классовому феодальному строю. Христианская церковь, слуга и союзница феодального класса, да и сама органическая часть феодальной системы, стремилась подчинить сознание народных масс новому вероучению. Она объявила войну старым «языческим» традициям. Священные рощи и деревья вырубались, святилища разрушались, всякие «бесовские игрища», т. е. обрядовые празднества, запрещались. Но народ стихийно держался за старые обычаи и поверья, видя в них какую-то самозащиту против крепостнического гнета. Не будучи в силах, несмотря на все усилия, искоренить до конца старые ритуалы и верования, церковь шла на компромисс: старинные обряды, праздники были допущены, но приурочены к датам церковного календаря, к дням памяти святых (кто бы ни были эти святые, настоящие люди или мифологические образы). Именно этим путем многочисленные имена святых проникли в народный календарь, вытеснив древние местные божества или просто покрыв их своими именами. А самые важные из «языческих» праздников были привязаны к важнейшим датам церковного года: Рождество, Крещение-Богоявление, Сретение, Благовещение, Пасха, Пятидесятница и др.

Так постепенно, веками, переплетались и сливались местные древние традиции с церковным богослужебным канонам. Такое слияние, правда, не представляло особых трудностей потому, что само-то христианское вероучение и христианский культ еще раньше, до своего распространения по европейским странам, уже впитали в себя очень многое из древних аграрных и аграрно-соляных культов. Само Рождество Христово еще

раньше было приурочено к дню рождения солнечного бога Митры, воскресение Христово (Пасха) — к ежегодному весеннему празднику воскресения-оживания растительности и т. д. Взаимное приспособление, синкретизм старых и новых верований постепенно приводили ко все более прочному сплаву, где все труднее становилось различить, что тут свое, местное, а что принесено христианством.

Одним из последствий этой синкретизации ритуала и верований была, видимо, более резкая поляризация религиозно-мифологических образов: те из древних божеств, которые слились с христианскими святыми, тем самым стали добрыми покровителями человека и его хозяйства; других церковь оттолкнула, превратила в нечистую силу. Эта нечистая сила (черти, злые духи, а также вполне живые и реальные ведьмы и колдуны) имеют вообще довольно пестрое происхождение, но любопытно, что они, по народным поверьям, обнаруживают особую активность в определенные сезоны, связанные как раз с календарными праздниками; например, в дни «святков» 25 декабря — 6 января. Почему? Трудно сказать, но, может быть, именно потому, что «святки» совпадают с самым темным и холодным временем года (морозы, бураны, метели), отсюда и психологическая ассоциация с разгулом нечистой силы.

Однако целый ряд мифологических персонажей, видимо, восходящих к древним местным культам, не подвергся поляризации. Эти персонажи сохранили двойственные черты, то благодетельные, то враждебные человеку. Это опять-таки больше в странах немецкого языка.

Борьба церкви за преодоление и изживание древних языческих обрядов, а позже за их переработку и подчинение церковному контролю была вообще очень длительной и неодинаково протекала в разных странах. Не раз церковные проповедники предавали громовым проклятиям «праздники дьявола». Издавались церковные эдикты, где строго запрещались «гульбища с танцами и безнравственными и преступными песнями» (Франция). На помощь церкви приходила нередко светская власть — городская знать, короли, издававшие указы с запрещением тех или иных обычаев, носивших уж слишком вольный характер.

11

Зато церковь нередко вводила взамен запрещаемых старинных обычаев и обрядов свои собственные, связанные с христианским вероучением, но приуроченные к вкусам и привычкам народных масс. Некоторые из этих, церковного происхождения, обрядов постепенно укоренялись в народе и тоже становились традиционными. Так, в средние века в ряде европейских стран (Испания, Португалия, Каталония, Прованс, Германия и др.) в рождественские дни устраивались на площадях городов особые «мистерии» (по-испански «ауто») — инсценировки на евангельские темы с шествиями «пастухов», «магов», «ангелов» и пр. До наших дней сохранился в ряде католических стран обычай изготовлять на Рождество небольшие макеты — «ясли» (или «бетлемы», «шопки», «презепе», «креш» и др.) с изображением в них евангельских сцен рождения Иисуса с миниатюрными фигурками Марии с младенцем, Иосифа, вола, осла, трех пастухов, или «магов». Изготовление таких «яслей» и обряды с ними стали излюбленным рождественским обычаем в таких странах, как Польша, Чехословакия, Германия, Австрия, Албания (у католиков), Италия, Южная Франция и др.

После церковной Реформации в протестантских странах церковь еще строже начала преследовать не только «языческие», но и всякие вообще мирские удовольствия и развлечения. Особенно свирепствовали кальвинистская и пресвитерианская церкви в Голландии и Шотландии⁸. В годы Английской буржуазной революции пуританское правительство даже

⁸ Бокль, История цивилизации в Англии, т. 1, СПб., 1866.

запретило специальным парламентским актом (1644 г.) вообще празднование Рождества во всей Англии.

Надо иметь в виду, что согласно кальвинистскому вероучению и практике пресвитерианской церкви, грехом считаются не только дохристианские, «языческие» обычаи и обряды; нет, грехом признается все то, что отвлекает христианина от помышлений о загробной жизни, о карающей деснице господа: всякое веселье, развлечения, музыка (кроме церковной), танцы, игры. Эти ханжеские, человеконенавистнические запреты надолго превратили те европейские страны, где господствовал протестантизм этого фанатического толка, в какую-то мрачно-серую тюрьму.

Рационалистическое Просвещение XVIII в. со своей стороны тоже неодобрительно смотрело на традиционные народные праздники, но по другим мотивам: в них видели нечто грубое, варварское, простонародное.

12

Зато календарная обрядность пополнялась в некоторых случаях — и это в сравнительно близкое к нам время — ритуалами, ни к какой религии не имеющими отношения: инсценировками исторических событий.

Например, у испанцев известна в числе разных других праздничных игр Карнавала одна игра — историческая инсценировка из времен Реконкисты: «битва мавров с христианами». В Швейцарии есть обычай отмечать годовщину создания в 1291 г. «Союза трех кантонов» (первоначальное ядро Швейцарского союза) зажиганием ритуальных костров. В Нидерландах и Бельгии в память об отдельных событиях эпохи Нидерландской революции XVI в. устраиваются праздники с традиционными процессиями «великанов» по городским улицам. Жители г. Лейдена до сих пор празднуют день, когда испанские войска и флот сняли осаду (3 октября 1574 г.) и ушли в момент крайнего обострения голода в городе; доведенные голодом до отчаянья горожане были, согласно легенде, чудесным образом накормлены мясным кушаньем, найденным в большом котле в земле; рецепт приготовления этого спасительного кушанья сохранился, и его готовят и едят в памятный день.

В Англии поныне отмечают как народный праздник день 5 ноября в память о неудачном «пороховом заговоре» (1605 г.), когда группа католических фанатиков намеревалась убить короля и его протестантских министров при помощи взрыва в здании парламента; заговор был раскрыт и глава его Гай Фокс казнен. Теперь во многих городах молодежь устраивает в этот день потешные процессии по улицам: носят соломенное чучело Гая Фокса, которое потом торжественно сжигают.

13

Еще интереснее тот факт, что в недавнее же время возникли и широко распространились и некоторые обычаи, по виду напоминающие древнюю ритуально-магическую традицию. К числу их принадлежит в первую очередь рождественско-новогодняя елка.

Есть мнение, что святочный обычай наряжать и иллюминировать елку восходит к древнему культу деревьев. И не исключено, действительно, что какие-то отдаленные генетические связи протягиваются к религиозному поклонению священным деревьям. Но дело-то в том, что наш современный, известный каждому обычай «зажигать елку» появился совсем недавно. В странах и Западной и Восточной Европы, в том числе и в нашей стране, этот обычай распространился лишь в течение XIX в., придя из Германии. Но и в самой Германии он стал известен лишь незадолго перед тем — во второй половине XVIII в. Первоначальный очаг его зарождения — юго-западные области Германии или область Эльзаса. Отдельные элементы обычая рождественской елки существова-

ли, правда, и раньше — например, обрядовое украшение домов зеленью в святочные дни. Во многих местностях Германии бытовал также обычай сооружать в эти дни особые пирамиды («рождественская гора», Weihnachtsberg) из палочек с украшениями и с человеческими фигурками и освещать их свечами. Замена пирамиды живой, срубленной в лесу елью постепенно вошла в обычай в разных немецких землях. Гёте писал в своих воспоминаниях, что он впервые увидел украшенную и освещенную елку, уже будучи взрослым человеком, в 1765 г. в Лейпциге⁹. В другие европейские страны рождественская елка проникала постепенно, но только по городам, оставаясь мало известной в деревне. Лишь в самое последнее время обычай украшать елку распространился, главным образом через школу, и в деревне: на Рождество, а в Восточной Европе — под Новый год. Уже после второй мировой войны эту праздничную елку стали сооружать местами и на городских площадях — знак того, что елка стала символом не только семейного, но и общественного праздника.

14

Не только новые обычаи и новые ритуалы зарождались в близкое к нам время, принимая вид и форму древней традиции; нет, столь же заново рождались и рождаются и мифологические образы, связанные с этими новыми ритуалами. Или, что тоже очень характерно, старинные мифологические представления, срачиваясь между собой и переосмысливаясь, формируются в какие-то совсем новые персонажи, выполняющие сложные функции. Они по большей части привязываются к традиционным народным или даже церковным праздникам и иногда ясно выдают свое происхождение как олицетворение этих праздников. Но они, эти персонажи, уже не являются предметом настоящих религиозных представлений; напротив, это скорее комические или игровые образы, чаще всего выдуманные нарочно ради детей — или для их запугивания, или для развлечения.

Так, у немцев древний «кнехт Рупрехт» еще в недавнее время изображался (или воображался) как страшный косматый старик, им пугали непослушных детей; а теперь это безобидный участник шуточной процессии, обходящий дома в сочельник с подарками для детей. А еще чаще в этой же роли выступает добродушный Weihnachtsmann («рождественский человек»), вполне аналогичный русскому Деду-Морозу — как известно, образ тоже недавнего и чисто литературного происхождения. У французов в сравнительно недавнее время появилось представление о «Père Noël» («Отец-Рождество»), связанном с рождественской елкой. У итальянцев самый характерный мифологический персонаж — добрая «фея Бефана», раздающая детям подарки; имя «Бефана» — это искаженное название праздника «Эпифания» (Богоявление, 6 января).

Разные фантастические образы, по большей части игрового и шуточного вида, выступают и в связи с весенним праздником Карнавала. Летний праздник Троицы тоже служит поводом для появления разных комических персонажей; например, у немцев «Pfingstbutz», «Pfingstlummel», «Pfingstochse» и др.

В дни памяти некоторых церковных святых устраиваются местами инсценировки, процессии и пр. с участием этих самых святых в виде замаскированных или наряженных людей, которые изображают св. Николая, св. Люцию и др.

Вообще повсеместно наблюдается явление, пожалуй, наиболее характерное для современного состояния традиций, связанных с календарными обычаями и обрядами: постепенное выветривание их прежнего содержания, некогда вполне серьезного и даже жизненно важного; превращение этих обычаев и обрядов в чисто увеселительные действия, или — еще

⁹ W. Mannhardt, Wald- und Feld-Kulte, Bd. I, S. 239.

больше — в молодежные развлечения, детские праздники. Старый магический смысл обрядов и лежащие в основе их хозяйственные мотивы забываются; лучше сказать, давно забыты. Забываются и наслонившиеся на них позднее культовые, в частности церковно-христианские, представления; от них остается по большей части лишь прикрепление праздника к какому-то дню церковного календаря (который и сам в свое время был приурочен к датам народных праздников). Сейчас можно сказать с уверенностью, что подавляющее большинство тех, кто справляет в семейном ли кругу или в сельской либо городской толпе праздники Рождества, Масленицы, Пасхи, Троицы, дни святых, особенно в более развитых европейских странах, ни в малой степени не помышляет ни о каких евангельских рассказах, ни о житиях святых, ни вообще о христианском вероучении. Люди развлекаются, гуляют, отдыхают, веселятся — и все. Старинные обряды, торжественные процессии, маскарадные шествия и церемонии, если еще и исполняются, то только детьми.

Превращение прежних аграрных, магических, религиозных, церковных обрядов в народные развлечения или в детские праздники — самая характерная черта традиционных календарных обычаев в наши дни.

15

Наконец, весьма любопытен процесс сращивания некоторых новейших гражданских, национальных и революционных праздников с народными традициями, приуроченными к календарным датам.

Особенно заметно это на примере Первомайского праздника. Как известно, решение о международном рабочем празднике 1 Мая было принято на Конгрессе 2-го Интернационала в Париже в 1889 г., и с тех пор этот праздник с каждым годом все шире отмечается трудящимися всех стран. Хотя ближайшим поводом для установления даты праздника именно в день 1 мая послужило известное трагическое событие — столкновение рабочих с полицией в Чикаго, — но выбор этого дня для празднования оказался особенно удачен потому, что первый майский день и раньше отмечался у некоторых народов традиционными весенними обрядами. В западнославянских странах и в Восточной Германии издавна был обычай сооружать в этот день «майское дерево» (Maibaum, Meja) — высокий еловый ствол, украшенный наверху березкой и зеленым венком. Теперь этот обычай все шире распространяется: майское дерево ставят на площадях городов и устраивают вокруг него гулянья, танцы.

По-другому складывается традиция во Франции. Здесь к 1 мая приурочен теперь своеобразный поэтический праздник ландышей: в этот день в Париже и в других городах продаются с благотворительной целью букетики ландышей, которые друзья и знакомые дарят друг другу.

Наконец, известно, что и в России, еще задолго до появления социалистических кружков, местами справлялись «маевки» с выездом 1 мая за город для встречи весны.

Новым содержанием наполнились теперь и старинные обряды, связанные с уборкой урожая. В социалистических странах Европы, особенно в Польше, черты этой старинной обрядности впитались в праздник Урожая, получивший значение национального торжества: празднично украшают последний сноп, несут его в многолюдной процессии, придавая таким образом ярко национальный облик важному событию в социалистической экономике страны — подведению итогов сельскохозяйственного года.

В этой небольшой статье нельзя было исчерпать все проблемы, связанные с пониманием народных календарных обычаев, их исторических корней и их эволюции. Обычаи эти так сложны и разнообразны, что о некоторых их существенных чертах здесь не было случая даже упомянуть.

Надо сказать при этом, что некоторые стороны календарной обрядности у европейских народов еще требуют внимательного изучения, и многое остается здесь пока неясным и спорным¹⁰.

К числу таких недостаточно изученных компонентов календарного цикла относится, например, употребление обрядовых масок и причудливых нарядов. В литературе можно найти самые различные их толкования, особенно в отношении зооморфных масок: как обрядовое подражание грозным тучам; как пережиток тотемизма, либо культа животных; как проявление магии плодородия; как следы античного дионисийского культа; как рудимент древнего института инициаций или мужских союзов, организаций молодежи; просто как веселый маскарад и др.

Вполне вероятно, что обрядовое маскирование в дни календарных праздников — сложное контаминированное явление, корни которого связаны с различными сторонами общественной жизни, а функции исторически менялись.

Неясно происхождение обычая «бадняка» — рождественского полена, выступающего у очень многих европейских народов как важный, чуть ли не главный предмет святочного ритуала.

Неясна роль обрядов и представлений, связанных с душами умерших и духами предков. Эти образы порой занимают видное место в календарных обычаях и ритуалах, но чем объясняется эта связь разных по существу и по происхождению явлений, трудно сказать.

Есть и другие черты в сложном комплексе календарных обычаев, требующие более глубокого изучения.

Но один из самых важных аспектов рассмотрения интересующего нас предмета — это аксиологический анализ всей системы календарных обычаев. Уже в начале статьи упомянуто о том, сколь важно найти правильный критерий для оценки роли и значения календарных традиционных обычаев, и не только их роли в прошлом, но в особенности в наши дни.

Бесспорно, что в них много отжившего, устаревшего, просто вредного. Но едва ли можно согласиться с тем, будто главный вред календарных обычаев состоит в их связи с христианским или любым иным культом, хотя многие именно так и полагают. Этой связи в большинстве случаев давно уже нет, или она сохранилась в чисто внешнем совпадении дат. В том, что люди украшают елку 24 декабря или красят яйца и едят кулич на Пасху, так же мало привязанности к христианскому вероучению, как, например, в нашем летосчислении от «Рождества Христова», в которое мало кто теперь верит.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что церковь всегда пользовалась и теперь пользуется традиционными праздниками (стремясь притом сохранить и усилить в них церковные черты) для поддержания своего идейного влияния на народные массы. Торжественные праздничные церемонии во многих случаях, и особенно в католических странах (в Испании, Португалии, Италии и др.), помогают церкви сохранять обаяние религиозного культа даже среди свободомыслящих, вовсе не приверженных к христианскому вероучению.

Есть, однако, и другие вредные, отрицательные черты в календарных традиционных праздниках, которые редко замечаются. В них, по крайней мере во многих из них, отложились некоторые очень стойкие черты

¹⁰ См.: Т. А. Колева, О некоторых вопросах развития обычаев, «Сов. этнография», 1969, № 1.

старого общественного и семейно-брачного уклада. Этот уклад выражался в сугубо подчиненном, иногда прямо унижительном положении женщины в семье и в обществе. И в некоторых обычаях, выражающих своего рода цензуру нравов, подчеркнут взгляд на женщину как на неполноправное существо: насмешки и оскорбительные действия по адресу девушек, чем-нибудь заслуживших неприязнь парней-односельчан или нарушивших заповеди ханжеской церковной морали; насмешки и издевательства даже над теми, которым просто не удалось в истекшем году выйти замуж, и т. п. Такие и подобные проявления прямого неуважения к личности, к достоинству женщины, хотя бы прикрытые шуточным обрядом, несовместимы с кодексом минимальной человеческой порядочности.

Нельзя не заметить по этому поводу, что даже в невинной, казалось бы, традиции святочных гаданий, превратившихся ныне в простую забаву, кроется зачастую недобрый смысл. Гадают обычно девушки, и гадают, как правило, «о суженом», т. е. о замужестве. Это значит, что девушка не вольна устроить самостоятельно свою судьбу, она не может активно удовлетворить свою законную потребность иметь семью и ждет от судьбы, покорно и терпеливо, «возьмет» ли ее кто-нибудь, и какой достанется ей жених, муж. В этом отразился вековой удел по преимуществу крестьянской девушки, на которую все смотрят как на вещь. Унижительность этой ситуации не ощущается только потому, что все совершается под покровом традиции, обычая.

Есть и другие теневые стороны календарных обычаев, о которых можно бы поговорить отдельно.

Но, оставляя в стороне эти отрицательные, и тем не менее не столь существенные, компоненты календарных обычаев, не следует забывать о большой и в целом несомненно положительной их роли в нашей современной жизни. Им уже не придается значение регулятора хозяйственной деятельности, средоточия примет, гаданий и магических обрядов и даже дополнения церковных богослужений. Эта роль в большинстве стран уже в прошлом. Сейчас календарные праздники — там, где они еще сохранились, — это прежде всего традиционная форма отдыха, развлечений, игр, массовых зрелищ. Их приурочение к определенным календарным срокам, как мы уже видели, отнюдь не случайно: оно обусловлено общим ритмом жизни природы и ритмом хозяйственной деятельности человека; в первую очередь это относится к сельскому населению, но косвенно и к городскому.

В последние годы во многих странах наблюдается очень важное дело: обогащение традиционных обрядов, приуроченных к старым датам, но иногда уже и без точного следования им, — обогащение их демонстрацией сокровищ народного искусства (танцы, песни, музыка, артистические соревнования, национальные костюмы, иногда спортивные игры и выступления). Подобного рода фестивали национального искусства за последние полтора-два десятилетия (и, видимо, в связи с общим оживлением интереса к народной культуре), приобретают год от года все более широкий размах. Они известны во Франции (особенно в национальных ее районах — Бретань, Эльзас, Страна Басков и др.)¹¹, в Чехословакии, Югославии, Болгарии и в других странах. Эти фестивали, демонстрирующие лучшие стороны национальной культуры, служат прекрасной формой взаимного культурного обмена и взаимного обогащения людей разных стран. Если они и не всегда прямо связаны с датами старого обрядового календаря, то по существу они органически продолжают и развивают ту же вековую традицию, но уже на новом, более высоком уровне.

¹¹ См., например: С. А. Токарев, Этнографические наблюдения во Франции, «Сов. этнография», 1968, № 3, стр. 134—136.

POPULAR CUSTOMS OF THE SEASONAL CYCLE IN THE COUNTRIES OF EUROPE OUTSIDE THE USSR

(AN ATTEMPT AT A STRUCTURAL-HISTORICAL ANALYSIS)

An attempt is made to break up the involved complex of popular calendar customs in European countries into historically consecutive strata. In the author's view, the earliest element in these customs is simple empirical observation of the weather and primitive attempts at forecasting it; these probably took place already in the earliest pre-agricultural times, but acquired particular significance among agricultural peoples. From such direct weather observation it is only a step to divinational predictions of the weather and prospective harvest (and at the same time of impending family events), then further, to magical means of influencing the harvest, the fertility of cattle, etc. Out of this there arose still later the personification of spirits and deities, protectors of agriculture and cattle breeding, as well as rituals and celebrations in their honour.

With the spread of Christianity in European countries (IVth—Xth centuries) the agricultural celebrations and rituals of antiquity were adapted to the days of the church calendar (Christmas, Easter, saints' days, etc.).

Beginning with the second half of the medieval period, new celebrations are added commemorating historical events. New customs in traditional forms come into being (the Christmas-tree, the maypole); from the XIXth century begin civil, national and revolutionary celebrations: old customs gradually undergo secularization and take the shape of entertainments, games, children's festivals. At present, the same traditions lie at the base of festivals of popular art.
